

1970

DIE WELT DER SLAVEN

VIERTELJAHRSSCHRIFT FÜR SLAVISTIK

Jahrgang XV, Heft 3

Тоеруков

10. K.
XVI. t.

1970

OTTO HARRASSOWITZ · WIESBADEN

Vom Verfasser überreicht · Durch den Buchhandel nicht zu beziehen

Об одной малоизвестной русской повести XVI века

В середине 20-х годов XVI века русское общество взволновал развод царя Василия III с Соломонией Юрьевной Сабуровой, её насильственное пострижение и скоропалительная (через два месяца) женитьба царя на княжне Елене Васильевне Глинской. „Развод и вторичный брак великого князя, — говорится в „Очерках по истории СССР“, — сразу же подняли множество острых политических и нравственных вопросов. Прежде всего, поступок Василия III был вызовом традициям и церковным установлениям. Вставал, следовательно, вопрос о пределах власти „государя всея Руси“, о том, что сильнее эта власть или вековой обычай, утвержденный церковью“¹. В глазах многих второй брак царя был прелюбодеянием, давно задуманным и осуществленным с холодной жестокой расчетливостью. Еще свежи были в памяти современников все обстоятельства пострижения несчастной Соломонии 28 ноября 1525 г. в Московском девичьем Рождественском монастыре, что „за пушечными избами“.

Современные событию летописи, „Записки о Московских делах“ Сигизмунда Герберштейна, а также два поздних памятника (середины XVI в.) — „Выпись из государевой грамоты, что прислана к великому князю Василию Ивановичу о сочетании второго брака и о разлучении первого брака чадородия ради“ старца афонского Ксиропотамского монастыря Паисия² и „История о великом князе московском“ князя А. М. Курбского³ — подробно рассказывают об

¹ Очерки по истории СССР. Период феодализма конец XV — начало XVII в. М., 1955, стр. 110—111.

² Изд. текста О. Бодянским см.: ЧОИДР, М., 1847, № 8 (заседание 29 марта 1847 г.), отд. IV, стр. 1—10. См. также: М. Н. Тихомиров. К вопросу о выписи о втором браке царя Василия III. — В кн.: Сб. статей в честь акад. А. И. Соболевского. (СОРЯС АН СССР, т. 101, № 3). Л., 1928, стр. 91—94. С. О. Шмидт. О времени составления „Выписи“ о втором браке Василия III. — В кн.: Новое о прошлом нашей страны. Памяти академика М. Н. Тихомирова. М., 1967, стр. 110—122.

³ Изд. текста см.: А. Курбский. История о великом князе московском. — РИБ, т. XXXI. СПб, 1914, стлб. 162—164.

острой борьбе вокруг известных событий конца 1525 — начала 1526 гг.

Одни — как Максим Грек, Вассиан Патрикеев, иерусалимский патриарх Марк, афонские старцы и „нестяжатели“, барон Сигизмунд Герберштейн, псковский летописец (чьи записи позднее вошли в состав псковского свода 1556 г.) — резко осуждали Василия III, другие — как „иосифляне“, митрополит Даниил и его окружение, некоторые бояре — всячески оправдывали его поступок. Последние понимали, что в случае смерти царя российский престол должен был перейти к его братьям Георгию или Андрею, державшим сторону удельных княжат. „Кому по мне царствовать на Руской земли и во всех градах моих и в приделах? — вопрошал Василий своих бояр. — Братья ли дам? Ино братья своих уделов не умеют устраивати?“⁴ „Неплодную смоковицу посекают и измещуть из винограда“ (т. е. сада), — говорили царю ближние бояре⁵. „И повеле ю постричи в черницы“, — пишет летописец⁶.

Однако тень церковного отлучения неотступно преследовала смельчака, который решился разорвать нерасторжимые по тогдашним законам узы брака.

К числу сочинений, составлявшихся с целью оправдания поступка великого князя и всех его деяний, относится Повесть о втором браке Василия III, мало изучавшаяся исследователями⁷ и вообще не рассматривавшаяся как памятник литературы.

В известных курсах по истории древнерусской литературы Н. К. Гудзия, А. С. Орлова, Р. Пиккьо, А. Стендер-Петерсена, Д. И. Чижевского, а также в многотомной „Истории русской литературы“, изданной Академией наук СССР, и в первом томе трехтомника по „Истории русской литературы“ эта повесть даже не упоминается. Текст повести, сохранившийся в немногих списках, почти недоступен исследователям; сборник „Московский край в его прошлом и настоящем“ вышел в 1930 г. ограниченным ти-

⁴ А. Н. Насонов. Псковские летописи, вып. I. М.-Л., 1941, стр. 102—103.

⁵ Там же. ⁶ Там же.

⁷ Первое исследование повести с изданием текста с большими купюрами см.: М. Н. Тихомиров. Новый памятник Московской политической литературы XVI в. — В кн.: Московский край в его прошлом, ч. 2. М., 1930, стр. 105—114. См. также: А. Н. Насонов. Материалы и исследования по истории русского летописания. — III, вып. VI. М., 1958, стр. 249.

ражом и давно уже стал библиографической редкостью. В хрестоматиях по древнерусской литературе текст Повести о втором браке Василия III никогда не воспроизводился.

Остановимся вкратце на содержании повести. Небольшая по объему, эта повесть состоит из двух тесно связанных между собой частей — „О пострижении великия княгини Соломаниды“ и „Совокупление второго брака“. В центре повести — великий князь Василий Иванович и его поступки. Последние изображаются так, что должны вызвать к себе сочувствие и сострадание читателей, должны убедить, что и развод и новая женитьба произошли вопреки воле царя, который только уступил настойчивым уговорам Соломонии, митрополита Даниила, своих братьев Георгия и Андрея, поместных князей и бояр. В противовес ходившим в то время в народе наговорам и обвинениям, автор повести пытался всячески возвеличить великого князя. В духе придворно-политического панегирика он называет государя благочестивым, христоролюбивым, человеколюбивым, правдивым, „совершителем заповедей господних“, „рачителем закону“, „от бога даннаго ему разума исполнен“, „ритор и философ превзыде и житию святых отець вконець известодоктор“. Похвала царю достигает апогея, когда он сравнивается со стратигом силы небесной, явившимся, согласно Библии, Иисусу Наввину под Иерихоном: „Такожде царь и государь всеа Русии страшен явися иноплеменником взора ради стратижскаго, любим же всем православным благочестия ради“. Это сравнение продолжает старую русскую традицию, согласно которой князья изображались страшными для врагов и милостивыми к соплеменникам: таковы Владимир Мономах, его сын Мстислав, Всеволод Большое Гнездо, Александр Невский, Дмитрий Донской и мн. др.

Автор XVI в. только несколько углубляет эту традицию, сравнивая царя с ангелом, а такое обожествление царской власти было уже вполне в духе нарождающегося абсолютизма. Искусственность, риторизм, торжественность вскоре стали господствующими в литературе XVI в. Очевидно, что панегирический стиль повести обязан не столько агиографическому движению эпохи, сколько школе красноречия от Иосифа Волоцкого до митрополита Даниила, Досифея Топоркова, митрополита Макария, В. М. Тучкова, митрополита Андрея — Афанасия, составителей грандиозной энциклопедии — Великих Миней-Четьих.

Поступки великого князя в повести вполне соответствуют данной ему характеристике. Он — всегда пассивная сторона, сторонник закона и человеколюбец. Когда Соломония, „видя неплодство чрева своего“, стала просить постричь её, царь не согласился. „Как могу брак разорити! — восклицает он. — Аще ли сиа сотворю и второму несть ми лепо совокупитися“. В ответ на слёзные мольбы великой княгини и на просьбы приходящих от неё вельмож, великий князь отвечал категорическим отказом, со злобою прогоняя их прочь. И лишь, когда „святейший же Даниил, митрополит всеа Руси, моления слез ея (т. е. Соломонины) не презри, много много моля о сем государя со всем Священным сонмом“, великий князь уступил и „сотворил по ея воли“. И та, которая ни за что не соглашалась на развод, и которую Федор Шигонь, царев приспешник, ударил в храме по лицу, принуждая принять постриг, согласно автору повести, вела себя совершенно иначе: „аки от пчел сота от царьских уст насладився, с радостию отходит в обитель господа бога спаса нашего рожества в Дивичий монастырь, еже есть зовом на рве, и ту остризаает власы главы своеа от отца своего духовнаго Никольского игумена Давида“. Едва сдерживаясь от лицемерного восторга, автор повести вкладывает в уста новопостриженной инокини Софьи следующие слова к объатым „зелною скорбью“ друзьям: „Аще бых желала славы мира сего, то бых царствовала вкупе с царем и государем всеа Руси, днес же желаю наедине безмолствовати и о государьском здравии молити всещедрого бога . . .“ Удивляясь „теплоте веры ее“, автор повести спешит сравнить Соломонию с известными библейскими персонажами: с Саррой, которая будучи бесплодна (ей было 76 лет), униженно просила Авраама взять в наложницы рабыню свою египтянку Агарь, дабы не пресекался род (Аврааму в то время было 86 лет); и с Анной, которая молитвой победила свое бесплодие и родила Марию, богородицу. „Сия ж инока Софиа неплодства чресл не разреши, но верою Христа жениха себе обручи“, — заявляет автор повести. Последнему особенно удалось описание состояния уныния и печали, в котором находился „верный“ супруг после разлучения с Соломонией. Напрасно родичи и близкие друзья Василия просят его утолить свои сетования, переменить печаль на радость, жениться во второй раз, „да не запустеет царство его в бесплодии государства“. В знак печали царь не стриг и не расчесывал волос и бороды, и в таком страшном виде, с непокрытой

головой, являлся своим подданным. Однако, в конце-концов, он сам одумался: ум взял верх над страстями души, „вспомянул писание Аввы Дорофея“ (15-е слово поучений) и статью „О острижении брады и о растящих власы и красящихся ими“ из Кормчей книги (гл. 58—60). „И сим писанием увещався и к сим приплете ангельское слово: „лучше жениться, нежели раждизатися“, и паки; „дух бодр, а плоть немощна“ и ответ дал пресвященному Данилу митрополиту и благоверным князем Георгию и Андрею, и всем поместным князем и бояром: „Воля ваша буди“. Они же вси радостно и велегласно возопиша: „Грех твой, царю, буди на нас.“ В последних словах и заключен смысл повести: не царь виноват в разводе и вторичной женитьбе, а митрополит, бояре, князья!

Во все веси и грады государства полетели царские посланцы искать новую супругу государю — „девицу лепу и доброзрачну, и разумну“. Возвратились посланные и сказали царю, что не нашли лучше невесты, чем дочь князя Василия Львовича Глинского Елена. „Князь же великий, — заключает автор повести свой рассказ, — повелеша ю ввести в светлаа полаты, да узреть ю. Послании же сотвориша по повелению его. И прииде царь в полату, узре юницу благообразну и вопроси ю о жителстве. Она же мудре отвещаша ему. Князь же великий возлюби ю лепоты ради лица еа и благообразиа возраста, наипаче же целомудриа ради . . . и повеле ю нареци царицу и государыню всеа Русии.“

Невольно напрашивается аналогия с девой Февронией из „Повести о Петре и Февронии“, которую также отличает мудрость, красота, целомудрие, и потому она становится достойной женой славного князя.

Итак, перед нами произведение, написанное, вероятно, в 1526 г., вскоре после описываемых событий, может быть „иосифлянином“, одним из сподвижников митрополита Даниила, хорошо осведомленным, знатоком Священного писания. Безыскусственный повествовательный стиль соединяется в нем с искусственным стилем панегирика. В повести нет отрицательных героев: Василий Иванович — идеальный государь и христианин, Соломония — кроткая и самоотверженная „невеста Христова“, Елена-мудрая и благолепная дева, эпизодически появляющиеся в повести митрополит Даниил, бояре, князья — верные друзья и помощники, живущие

интересами государства. Повесть о втором браке Василия III — своеобразное введение к „идеализирующему биографизму“ XVI в.⁸, проявившемуся по отношению к личности Василия III в таких произведениях как „Слово похвальное“ Василию III, Степенная книга, Летописная повесть о болезни и смерти Василия III.

Ленинград

Ю. К. Бегунов

⁸ Термин Д. С. Лихачева. См.: Д. С. Лихачев. Человек в литературе Древней Руси. М.-Л., 1958.